

Жизнедеятельностные смыслы В.Ф. Войно-Ясенецкого (святого Луки)

Е.Н. Кулешова, г. Москва

*«Он здесь, теперь. Среди суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог,
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло. Мы вечны. С нами Бог»
В. Соловьев*

Столетие назад психология как наука ещё только формировалась, а философия, которая «занята, в сущности, только человеком, то есть каждым из нас» [2, с. 7], явилась основой её содержания. Психология не была ещё настолько дифференцирована, какой мы получили её в наследство от советской России, поэтому, читая книги философов и психологов начала двадцатого века, встречаешься с объяснением внутреннего мира человека как совокупности трёх составляющих: мышления, чувств, воли. Эти три взаимосвязанные области развиваются индивидуально у каждого человека в разной степени при разных условиях жизнедеятельности. Баланса и гармонии в соотношении этих сфер в высокой степени развитости достичь практически невозможно, но, обращаясь к биографиям известных людей, вспоминается личность Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. Высоко развитые мышление, чувства и воля позволили ему реализоваться в таких профессиональных видах деятельности как хирургия и наука, будучи *призванным* к божественному служению. Источником всех свершённых им благ и деяний можно считать его доброе сердце. Именно в сердце – в «горниле чувств и воли» [3, с. 26], в сердце, которое «мыслит, размышляет, познаёт» [3, с. 23], – вершилось благо, созидалась любовь, распространяясь на всё, чем бы он ни занимался. Жизненные смыслы, не отделимые от профессиональных интересов, благих деяний, которыми была наполнена жизнь В.Ф. Войно-Ясенецкого, можно считать жизнедеятельностными смыслами, пронизанными основополагающим духовно-нравственным смыслом: «Главное в жизни – всегда делать людям добро. Если не можешь делать добро большое, постарайся совершить хотя бы малое» [5, с. 12].

Размышления о будущем, смысле жизни возникли у юноши Валентина в период выбора профессии. В молодом возрасте «неизбежно ставится вопрос о выборе того или иного жизненного пути из многих открывающихся здесь возможностей. «Что мне делать? значит тогда: какую специальную жизненную работу, какую профессию мне избрать или как мне правильно определить моё призвание» [4, с. 9]. Обладая немалыми способностями в живописи, он пробует учиться то в Петербургской Академии Художеств, то в частной художественной школе в Мюнхене. В юношеский период увлечения живописью у него впервые пробудилась религиозность: «Я пошёл бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью» [1, с. 5]. В автобиографии Войно-Ясенецкий писал, что не получил религиозного воспитания в семье – отец придерживался католической веры, но не навязывал её сыну.

После многочисленных проб, сомнений и колебаний он в итоге поступил на медицинский факультет Киевского университета, преодолевая отвращение к естественным наукам, но всё больше осознавая своё предназначение – помогать нуждающимся людям (в первую очередь, крестьянам). Его не оставляла мысль, что он не в праве заниматься тем, что нравится, «но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей» [1, с. 4]. Учась на «отлично», борясь с нелюбовью к учебным дисциплинам естественно-научной направленности, он неожиданно для самого себя увлёкся анатомией, и из неудавшегося художника «стал художником в анатомии и хирургии» [1, с. 8]. Таким образом, первые созвучия гармонии развития мышления, чувств и воли В.Ф. Войно-Ясенецкого были

заложены уже тогда, в юношеские годы, явившиеся фундаментом для формирования его жизнедеятельностных смыслов.

В университете В.Ф. Войно-Ясенецкий изучал медицину исключительно с целью быть врачом, чтобы помогать бедным людям, тогда как его товарищи по курсу, защищавшие вместе с ним дипломы в 1903 году, были убеждены, что его призвание – это наука. И некогда принятое решение «делать добро» сначала привело хирурга в военно-полевой госпиталь Киевского Красного Креста, потом ему довелось заведовать Ардатовской больницей Симбирской губернии, оперировать в маленькой больнице Курской губернии. Талант и работоспособность сделали врача Войно-Ясенецкого известным уважаемым человеком, к нему стекались больные «со всех сторон, и из других уездов Курской губернии и соседней, Орловской» [1, с. 12].

В процессе многолетней врачебной практики у него возник научный интерес к теме регионарной анестезии, и он «поставил себе задачей заняться разработкой новых методов её» [1, с. 13]. Спустя годы высокие интеллектуальные способности и практический опыт подвели Валентина Феликсовича к защите диссертации на эту тему. Отзыв оппонента профессора, приват-доцента топографической анатомии и оперативной хирургии Мартынова красноречиво характеризует учёного Войно-Ясенецкого как человека с высоко развитыми сферами мышления, чувств, воли: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе и научная ценность их невелика. Но когда я читал вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил её» [1, с.17].

Несмотря на известность как признанного хирурга-практика, так и учёного (на основе практической деятельности возникает план написания книги «Очерки гнойной хирургии»), В.Ф. Войно-Ясенецкий задумывается о возможности быть священником, его преследует неотвязная мысль: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа» [1, с. 19]. Что движет им в этих помыслах? Для обычного человека за благо было бы развиваться в профессии при благожелательном отношении со стороны учёных мужей и простых людей. Однако, не будучи политизированным человеком, В.Ф. Войно-Ясенецкий не может оставаться в стороне от происходящих в России послереволюционных событий. Обещанные «земля – крестьянам, фабрики – рабочим, власть – народу» оборачиваются запретами, арестами, ссылками и убийствами людей разных сословий. Импульсом, «первым призывом Божиим на служение Ему», по его мнению, когда-то явились размышления о богословских и философских вопросах во время прогулок по берегу Днепра после занятий живописью, а также евангельский текст Нового Завета, подаренный Валентину, как напутствие в жизнь, директором гимназии при вручении аттестата. Теперь он хочет и готов принять на себя задачу, о которой писал в те же годы С. Франк: «научиться отличить истинную жизнь от жизни, которая есть смерть, – понять тот смысл жизни, который впервые вообще делает жизнь жизнью, то слово Божие, которое есть истинный, насыщающий нас хлеб жизни, – эта задача именно в наши дни великих катастроф, великой кары Божией, в силу которой разодраны все завесы и все мы снова «впали в руки Бога живого», стоит перед нами с такой неотвязностью, с такой неумолимо грозной очевидностью, что никто, раз ощутивший её, не может уклониться от обязанности её разрешения» [4, с. 8]. Можно сказать, что В.Ф. Войно-Ясенецкий в первые годы советской власти, в это трудное для страны переходное время оказался *призванным* Богом помочь людям понять смысл их настоящей жизни.

В первые же годы советской власти хирургу и главврачу Ташкентской больницы Войно-Ясенецкому довелось познакомиться с драконовскими методами борьбы с противниками новой жизни. Вот как он вспоминает тот период: «Восстание Туркменского полка было подавлено, началась расправа с участниками контрреволюции. Мы были арестованы неким Андреем, служителем больничного морга, питавшим ненависть ко мне, так как он был наказан начальником города после моей жалобы. ...Огромное помещение было наполнено солдатами восставшего полка, и их по очереди вызывали в отдельную комнату и там в списке имён почти всем ставили кресты. В трибунале участвовал Андрей и

другой служащий больницы, который успел предупредить других участников суда, что меня и завхоза по личной злобе арестовал Андрей. Нам крестов не поставили и быстро отпустили. ...Позже мы узнали, что в тот же день вечером в огромной казарме мастерских была устроена ужасная человеческая бойня, были убиты солдаты Туркменского полка и многие горожане» [1, с. 21]. Жизненное положение усугубилось смертью от туберкулёза жены: «Аня умерла тридцати восьми лет, в конце октября 1919 года, и я остался с четырьмя детьми, из которых старшему было двенадцать, а младшему – шесть лет» [1, с. 22]. После долгих ночей, проведённых у постели больной, после двух ночей чтения Псалтыри над покойной, он принимает решение поручить своих детей на воспитание подчинённой, операционной сестре Софии Сергеевне Белецкой. Такое решение, конечно же, удивляет и даже настораживает, ведь в современном обществе пропагандируется равноценное участие в воспитании детей, а здесь прослеживается явное отстранение от родительских обязанностей. Объяснение такому поступку мы находим на страницах автобиографии, когда Войно-Ясенецкий описывает ужасающие условия жизни в одной из ссылок и неудавшуюся попытку самостоятельно сварить клюквенный кисель: «Мне пришлось первый раз в жизни попробовать самому готовить себе пищу, о чём я не имел никакого понятия. ... Потерпев... фиаско со своей кулинарией, я должен был спасовать... » [1, с. 57]. Как глубоко мыслящий человек, адекватно оценивающий свои возможности, он, с одной стороны, признавал, что плохо разбирается в выполнении обязанностей, исторически возложенных на женщину; с другой – осознавал своё *истинное* предназначение, когда вклад от деяний иного рода будет гораздо более значим для больших масс людей.

Сомнения одолевали В.Ф. Войно-Ясенецкого в том, что он, будучи священником, занимался одновременно хирургией. Так, он пишет: «... не раз мне приходила мысль о недопустимости такой работы (исследований на трупах – *прим. автора*) для епископа. Более двух лет ещё я продолжал эту работу и не мог оторваться от неё, потому что она давала мне одно за другим очень важные научные открытия...» [1, с. 86]. В то же время его твёрдая уверенность в необходимости с крестом в руке и с молитвой на устах приступать к операциям вызывала сомнения в допустимости такого рода контрреволюционной деятельности у представителей советской власти. «Неудобный» Войно-Ясенецкий неоднократно подвергался гонениям, запретам, арестам и ссылкам. Но общество нуждалось в нём, в его таланте хирурга и учёного, особенно в военное время – в его открытиях, новых методах лечения.

Что помогало В.Ф. Войно-Ясенецкому в безбожных условиях новоявленной власти не только выживать, но активно работать и выполнять главную жизненную задачу, реализовывать жизнедеятельностные смыслы? Он писал: «Мы не изолированы, мы в неведомой связи со всеми людьми» [3, с. 43]. Развитые мыслительные способности, эмоционально-нравственная сфера и волевые качества через сердце, которое «есть орган высшего познания, орган общения с Богом и со всем трансцендентным миром» [3, с. 108], через воплощение не только развитой данности от рождения, но божественной *заданности* в добрых деяниях, через молитву позволяли ему транслировать людям «духовную энергию любви».

Литература:

1. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Я полюбил страдания. Автобиография. Акафист. – Тула: Имидж Принт, 2013. – 128 с.
2. Полищук В.И. Человек в философии культуры. – Нижневартовск: ПолиграфИнвест-сервис, 2008. – 111 с.
3. Святитель Лука Войно-Ясенецкий. Дух, душа, тело. – М.: ОБРАЗ, 2011. – 128 с.
4. Франк С. Смысл жизни. – Мн.: Полифакт, 1992. – 48 с.
5. Ханов Г. Безмездный целитель XX века: Житие святителя Луки Крымского (Войно-Ясенецкого). – М.: Православный приход храма Святого Духа, 2011. – 24 с.

См. Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XX Симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2015. – С. 107–110.

<http://www.pirao.ru/images/labs/gporl/%D0%A5%D0%A5-simpozium.pdf>